

ХРУСТ ШОКОЛАДНОГО КРУАССАНА

продолжение
рисованной жизни

Оксана Трусова

Оксана Трусова

Хруст шоколадного круассана

«Автор»

2026

Трусова О.

Хруст шоколадного круассана / О. Трусова — «Автор», 2026

Эта история вкусно пахнет – шоколад, персики, розы. Узкие улицы Харлема. Переход из одного состояния в другое. Что окажется для героя ценнее – бессмертие, или одна наполненная смыслом жизнь?

© Трусова О., 2026
© Автор, 2026

Оксана Трусова

Хруст шоколадного круассана

Колокольчик над дверью звякнул, провожая последнего посетителя, и только тогда я наконец смог выдохнуть. Вокруг всё ещё витал запах свежей выпечки, хотя Мишель закончила печь ещё шесть часов назад. Я отпустил её сразу же – по понедельникам посетителей обычно заходило немного, но сегодня неожиданно случился наплыв, и мне едва удалось пообедать. Полноценным приёмом пищи это назвать сложно, но вышло сытно, быстро и вкусно, а значит, жаловаться не на что. Выпечку Мишель я обожал, всё, что она ни придумывала, тут же находило отклик у наших гостей. Мы не убирали из меню почти ничего с самого открытия пекарни, ну, может быть, пару позиций. Зато новое добавляли едва ли не каждый месяц – фантазии у Мишель хватало.

Нашей пекарне было всего полгода. Мы открылись в конце весны, и сейчас продажи здорово выросли. Похоже, людям нравилось набрать тёплых булочек и нести их домой, к пледам и горячему чаю. Иногда гости кушали прямо у нас, но места было мало – всего два столика, поэтому они чаще уносили покупки с собой.

Мишель до сих пор смеётся с истории нашего знакомства. Я как обычно гулял с Рэем, наблюдая за окружающими. Я подумывал о том, что надо что-то менять, ведь работа курьером, пусть и лёгкая, отнимала у меня слишком много времени. Я мало тратил, и успел накопить достаточно денег, чтобы купить помещение и открыть какое-то заведение. Точной идеи не было, только условие: в этом помещении должно быть место для Рэя. Я скучал по нему весь день, развозя заказы, а брать с собой не мог.

Мишель проходила мимо, и я поймал её мысли: она талантлива, но не может найти работу. На собеседованиях её приземляют – вот меню, по нему и готовь, твои фантазии здесь не нужны. Накоплений осталось немного, срочно нужно найти место. Она уже почти готова согласиться на первую попавшуюся забегаловку. Но я торможу её.

– Девушка!

Мишель оборачивается, настороженно смотрит на меня. Короткие светлые волосы едва закрывают её уши.

– Мне нужна Ваша помощь.

Она переводит взгляд на Рэя, думая, что с ним какая-то беда. Её взгляд теплеет. Но Рэй тут вовсе ни при чём.

– Я думаю, именно Вы можете помочь мне. Я хочу открыть заведение, но пока не знаю, что будет внутри. Возможно, пекарня? В общем, Вы мне нужны.

При упоминании пекарни её глаза распахиваются, но она тут же прищуривает их снова.

– А почему Вы решили, что Вам нужна именно я?

– Просто предчувствие.

Она помолчала.

– И что в меню?

– Что угодно. Никаких ограничений. Используйте фантазию по полной.

Мишель снова замолчала, обдумывая, что ещё спросить.

В конце концов она просто сказала:

– Я согласна. Только не в этом районе.

– Без проблем. Я и сам подумываю переехать...

Я подумал про этого Макса и Лиз. Я ведь до сих пор не знал, в чьей квартире живу, поэтому мне хотелось уехать и начать всё с нуля. Обычную жизнь обычного человека.

– У Вас есть время, чтобы обсудить всё подробнее? – спросил я. – Мы могли бы пойти в какое-нибудь тёплое место.

Мишель кивнула и потёрла покрасневший от холода нос.

– Я Дилан, кстати.

– Мишель.

И она протянула мне руку.

Она любит делиться этой историей с посетителями, когда остаётся помочь мне с продажами. Ей кажется удивительным, что я выбрал именно её. Она думает, это случайность.

Мишель немного за двадцать – я не знаю точного возраста, так как в глаза не видел её документов. Я взял её ради идей, ради сотрудничества, ради воплощения желаний. Её желание уж точно сбылось – её ценят, её работы любят. Я люблю наблюдать за Мишель, когда она печёт. Она порхает по кухне, подготавливая ингредиенты, она сосредоточенно мнёт тесто, создавая шедевры. Её нежно-острые черты лица будто нарисованы величайшим в мире художником. Я люблю смотреть на неё, что бы она ни делала.

Я поймал Мишель в тот день, когда она поругалась с родителями. Они недовольны её жизнью – Мишель, по их мнению, должна учиться и получить профессию, а не печь какие-то булочки. Про слово «талант» они, вероятно, никогда не слышали, и оно для них ничего не значит.

В день нашей встречи мы провели вместе несколько часов, обсуждая концепцию будущего заведения. Мы договорились помочь друг другу и с переездом. Она собиралась съехать от родителей, а я искал квартиру рядом с местом, где мы обустроим нашу пекарню. Мне повезло – я купил помещение на первом этаже жилого дома, и сам заселился в то же здание, но на третий этаж. У Мишель всё вышло не так радужно – квартиры в этом районе недешёвые, и ей пришлось снять жильё в другом, откуда довольно далеко идти пешком, но Мишель, как и все местные жители, передвигается на велосипеде, и не слишком переживает о расстояниях.

Дом стоит на довольно оживлённой улице Харлема, и мои надежды на хороший поток посетителей оправдался. С первых дней к нам заглядывают как жители близлежащих домов, так и мимопроходящие, чей путь на работу пролегает по этой улице.

Что ни говори, бизнес, который приятно пахнет, намного быстрее привлекает клиентов, чем какой-нибудь магазин одежды. Сейчас у нас несколько десятков постоянных покупателей, но и новые заходят нередко.

Я никак не вмешиваюсь в работу Мишель, только помогаю закупать продукты – она составляет мне список, остаётся за главную, а я ухожу на рынок. С некоторыми продавцами у меня договорённость – мне оставляют свежайшую зелень, сыр, фрукты. Муку и яйца нам привозят прямо к пекарне раз в неделю – мы берём их большими объёмами.

Для Рэя я подготовил лежанку под столом с кассой, но он чаще предпочитает спать дома. Я ежедневно привожу его с собой на работу, но если он нервничает от шума, то после дневной прогулки веду домой, а сам снова спускаюсь сюда.

Три месяца – примерно столько прошло с момента нашей первой встречи с Мишель до дня, когда мы повесили колокольчик над дверью, и наконец открылись для посетителей. Больше всего я боялся, что мы никого не заинтересуем, но, когда до открытия оставалась примерно неделя, я стал замечать мысли проходящих мимо людей.

«Какая красивая вывеска! Надо будет к ним заглянуть.»

«Внутри два столика – наверное, какое-то кафе. Когда открытие?»

«Хорошо бы там были круассаны. Удобно, по пути на работу. Как раз успевал бы съесть его по пути.»

Круассаны у нас почему-то раскупали быстрее всего. Когда меня спрашивали, почему они такие вкусные, я отшучивался:

– Уж не знаю, что Мишель туда кладёт... Она настоящая волшебница.

Конечно, ничего волшебного в них не было. Молотые орехи, шоколад, приятная цена. Но Мишель удавалось приготовить тесто так, что оно было хрустящим, но не сухим, а внутри и вовсе мягкостью напоминало сахарную вату.

Сегодня их разобрали ещё к четырём часам, и, поскольку Мишель я отпустил, печь новую партию было некому. Однако оставалось ещё много чего вкусного, поэтому без покупок не уходил никто. Ну, почти. Была одна женщина, которая не приходила раньше. Она только ознакомилась с ассортиментом, подумала: «Дорого», и повернулась к выходу.

Я сказал:

– Но ведь есть вот эти печенья, попробуйте! Они небольшие, стоят недорого, и очень вкусные.

Я показал ей на десерт, который она не заметила на витрине. Женщина посмотрела на него, на меня, ни слова не сказала, и ушла.

Что ж, всем не угодишь.

Я даже не стал вникать в то, о чём она сейчас беспокоится – здорово устал к вечеру. Я рад, что ещё во время работы курьером освоил этот навык – отключаться от мыслей тех, кто находится рядом. Это было трудно, но необходимо: я дважды попадал в аварии, отвлекаясь на чьи-то заботы. Теперь этот навык мне особенно пригодился – ежедневно по шесть часов я работал наедине с Мишель, и, если бы не умел отключаться, то был бы в курсе всех её тревог и желаний. Не то что бы мне было неинтересно – напротив, очень, – но я считал, что это крайне невежливо. Поэтому я сделал ей подарок, о котором она даже не подозревала – личное пространство.

Утро вторника порадовало солнцем. Уже несколько дней небо оставалось пасмурным, грозя вот-вот разразиться дождём. Рэй будто тоже пострадал от недостатка лучей, стал вялым и сонным, но сегодня активно вилял хвостом уже в семь утра, предварительно лизнув меня в нос, чтобы разбудить.

Мишель обычно приезжала в пекарню где-то к пяти, но мне незачем было вставать так рано. Я выводил Рэя на прогулку в восьмом часу, проходил мимо пекарни. Окна ещё бывали закрыты в это время, хотя запах свежей выпечки всюду манил жителей района.

Я представил себе Мишель: наверняка она делает новые заготовки для разных начинок, пока пекутся первые партии всевозможных булочек. Режет, трёт, приправляет, смешивает...

Любимое дело ей невероятно шло. Мишель каждое утро крутилась на кухне, испачканная мукой, светилась и напевала мелодии из мультфильмов. Почему-то это делало меня счастливым – просто видеть её такой изо дня в день. Может, об этом говорила Лиз? Это я обещал Макс? Помогать людям?

Если бы я знал, что это так приятно... Но, может быть, дело именно в Мишель? Её благополучие меня по-настоящему волновало. Её счастье. Поэтому я предпочитаю с чистой совестью оставаться проигравшим. По-прежнему не хочу ничего менять. Моё место здесь.

О будущем я предпочитал не думать. Когда-нибудь Мишель заметит, что я совсем не меняюсь. Но сейчас волноваться рано – ещё и года не прошло с нашей первой встречи.

Рэй радостно носился от дерева к дереву – новый район ему ещё несколько не наскучил. После получаса прогулки ноги снова принесли нас к пекарне. Мишель открыла окна, и сейчас стояла у кассы. Я знал, что на кухне часто становилось жарко после долгой работы, и Мишель выходила в зал, чтобы передохнуть и отдышаться.

– Дилан?

Я обернулся, с трудом отведя взгляд от Мишель, которая смотрела куда-то вниз.

В этот раз она была одета теплее – пальто, застёгнутое на каждую пуговицу, зелёный шарф, красиво завязанный на груди, шапка ему в тон. Почему-то мне казалось, что Лиз ненавидит шапки.

– Лиз.

– Ты тут? То есть... Ты переехал? Или просто гуляешь здесь?

Я заставил себя замечать только то, что она говорит и показывает, и не копаться в её мыслях.

– Я тут гуляю. И переехал. Ведь та квартира вообще была неизвестно чья. А ты? Как ты?

Лиз как-то странно на меня посмотрела. То ли с гордостью, то ли с жалостью.

– И я гуляю. Нет, я вообще-то бегу по делам. Просто ты сказал, что гуляешь, и я зачем-то повторила. Прости, я несу какую-то ерунду.

– Всё хорошо?

Как я ни старался, я не смог не заметить тревогу, которую она показывать не планировала.

– Не читай меня, пожалуйста, Дилан.

– Я не хотел.

Я поднял руку в знак примирения.

– Всё хорошо, правда. Просто я не ожидала увидеть вас с Рэем, поэтому смутилась. Иди сюда, я тебя потискаю.

Лиз села на корточки и поманила Рэя. Он с удовольствием подбежал к ней, виляя хвостом. Длинные волосы Лиз под лучами утреннего солнца казались почти золотыми. От неё снова пахло розами, как в день нашей прошлой встречи. Лиз чесала Рэя за ушами, он жмурил глаза и даже немного повизгивал.

– Дилан! Доброе утро. Ты сегодня так рано?

Мишель, похоже, увидела меня из окна и подумала, что я уже явился на работу. Но она тут же заметила Рэя и поняла, что мы ещё даже недогуляли.

– Я буду чуть позже, Мишель, – всё же ответил я. – Просто встретил тут старую знакомую, разговорились.

Конечно, наш разговор с Лиз сложно было назвать оживлённым, но Мишель мой ответ устроил.

– Пригласи её к нам! – воскликнула она. – У меня уже столько всего готово.

– К нам? – спросила Лиз. – Ты тут работаешь?

– Что-то вроде того, – пожал плечами я. – Хочешь кофе? Согреешься.

Лиз кивнула, и мы все пошли внутрь.

Набежали утренние посетители, и Мишель пришлось встать за кассу. Я хотел сделать это сам, но Мишель перехватила управление: «Иди, иди, поболтай с подружкой. Лиз, кажется? Красивое имя.» Она шутливо помахала руками, как бы отгоняя меня от кассы, и отвернулась улыбаться покупателям.

Я спросил Лиз, чем её угостить, но она пожелала лишь кофе. Я приготовил для неё и для себя, и пригласил её за один из двух столиков, стоящих у выхода.

– Ты так и не говорил с Максом, да? – спросила Лиз, обняв чашку.

– Ты знаешь, что нет, Лиз.

– Не знаю. Я с ним давно не виделась.

Рэй тихонько заскулил. Я погладил его по голове.

– Скоро пойдём, малыш.

Разговор как-то не клеился. Я смотрел на Лиз и осознавал, как угас мой интерес к ней за тот срок, что мы не виделись. Я даже немного злился на неё – её появление заставило меня вспомнить, что я не такой, как остальные. Не такой, как Мишель.

Мишель отпустила последнего покупателя и упорхнула на кухню, забрав лёгкость и брызги солнца с собой.

– У вас с ней... что-то есть?

Я вдруг понял, что Лиз наблюдала за мной всё время, что я смотрел на Мишель.

– Нет. Но... Тебе не кажется, что это не твоё дело?

– Я же вижу, что что-то происходит. Я просто... Нам нельзя заводить отношения со смертными, Дилан, – Лиз положила свою ладонь на мою, и посмотрела мне в глаза с жалостью. – Ты же должен это понимать.

– Ничего не происходит. Я дал ей рабочее место. Вот и всё. Она обо мне даже не думает.

– Она не думает? Допустим. А ты? Ты бы видел свой взгляд.

Лиз убрала свою руку и снова обхватила чашку. Я молчал. Я вспомнил, как считал мысли Лиз в нашу первую встречу, и узнал, что она два года меня искала.

– Лиз, я тогда не спросил... Между нами с тобой что-то было? Я ведь не помню прошлого. Её щёки слегка покраснели.

– Нет. Мне надо бежать. Поболтаем в другой раз?

Она погладила Рэя, глотнула в последний раз, накинула пальто, и выбежала на улицу.

– Как пообщались? – спросила Мишель, выходя из кухни с полотенцем в руках.

Я пожал плечами.

– Я пойду домой, ладно? Отведу Рэя спать. Скоро вернусь.

Мишель кивнула и улыбнулась, снова разбрызгав по помещению солнце.

Через две недели выпал снег, а количество солнечных дней сократилось почти до нуля. Холодный сильный ветер загонял прохожих прямо в наше тёплое гнёздышко, продажи выросли, Мишель едва успевала печь, и я даже думал нанять ей помощницу, но она отказалась.

– Я тут чувствую себя хозяйкой, пока остаюсь одна. Дай мне ещё понаслаждаться этим.

Мишель вынесла новую порцию шоколадных круассанов. Несколько человек, которые пришли именно за ними, оживились и подошли ближе к кассе.

– Ну какая же это вкуснятина! – жуя, сказал Жак, пока я отсчитывал ему сдачу. Он заходил к нам каждое утро и всегда брал одно и то же – круассан с шоколадом.

– Нет, нет, только один, я ведь на диете, – говорил он, когда Мишель предлагала ему взять ещё.

Я старался не лезть в головы наших посетителей, но иногда подглядывал, чтобы узнать о предпочтениях. Жак, полноватый лысеющий мужчина шестидесяти лет, конечно, обожал много всего, но круассаны были его любимыми. Эстер, девушка лет двадцати восьми, каждый раз прибегающая в разноцветных одеяниях, всегда выбирала что-нибудь разное – она любила новое, но чаще всего она просила «желательно мягкое, нежное, как мороженое, но не холодное», и тогда мы шли к прилавку с пирожными. Даже та женщина, которая в первый раз ничего не взяла, снова вернулась. Её звали Мириам, и она выбирала что-нибудь подешевле.

– Я для детей, – всегда уточняла она. – Очень уж они выпечку любят, и ваша им больше всех понравилась.

Иногда я клал ей что-нибудь в подарок, и в другой раз она приходила слегка хмурая.

– Ну что же вы... Не стоило...

– Ничего-ничего, – с улыбкой отвечал я. – Ведь это детям.

Она кивала, но в следующий раз опять непременно говорила мне, что «не стоило», и мы повторяли наш диалог.

Мишель я отпустил после обеда – она поехала по делам. Вечером, когда я наводил порядок перед закрытием, вошёл посетитель, которого я раньше не встречал. Его холодный вид удивительно контрастировал с теплом нашей обстановки. Руки он прятал в карманах куртки – должно быть, здорово замёрз на улице.

Я попытался заглянуть к нему в голову, но обнаружил препятствие, из-за которого я ничего не увидел. Это было необычно. Мужчина подошёл ко мне, и протянул руку.

– Дилан, – сказал он. – Я Макс.

– Тот самый Макс?

Он усмехнулся.

– Вопрос был бы очень странным, будь он адресован не тому человеку, согласен? Но ты попал в точку. Лиз тебе всё разболтала?

– Лиз помогла мне понять, что происходит.

Я повесил табличку «Закрыто» на дверь, и приглушил свет.

– Что ты хочешь? – спросил я.

– Чего хочу я? – Макс поднял брови. – Вопрос в том, чего хочешь ты. Неужели тебе не хотелось найти меня? Вернуть себе память?

– Я уже говорил Лиз, и повторю для тебя: нет, я не хочу вновь вернуть себе ощущение, что я уже всё видел, всё знаю и всего достиг. Я не хочу жить вашу скучную жизнь.

– Надо же, – снова усмехнулся Макс. – Ты меня удивил. Нашу скучную жизнь... Ты знаешь, что Лиз по тебе с ума сходит?

– Я... что? – я поперхнулся. – Между нами ничего не было, я спрашивал её.

– Не было, это да. Но это не значит, что она этого не хотела. Да и ты был не против.

– Это неправда. Если бы я хотел отношений с ней, зачем бы я стал играть с тобой в эту дурацкую игру с лишением памяти?

Я говорил уверенно, но в глубине души сомневался, что всё именно так. Я ведь замечал, что Лиз обо мне думает. Видел, как она на меня смотрит. Да и я что-то почувствовал ещё при первой встрече. Её кожа, её запах... могли свести с ума кого угодно.

Макс пожал плечами.

– Ты был уверен, что выиграешь.

– Я и считаю, что выиграл.

– О чём ты? Тебе напомнить условия? – рассмеялся Макс.

Я махнул рукой.

– Да я не об этом. Мне нравится моя новая жизнь. Я уверен, она куда лучше той, что была раньше.

Макс сел за столик. Я ничего не предложил ему, чтобы согреться, и не собирался, но тут же понял, что мне не за что на него злиться – его вины в сложившейся ситуации не больше, чем моей. Поэтому я спросил:

– Чаю?

Макс покачал головой.

– Я ненадолго. Вообще-то просто хотел убедиться, что всё в порядке. Я могу вернуть тебе память, если всё-таки хочешь.

– Нет, спасибо.

Макс встал.

– Тогда я пойду. Только ещё один момент... Ты же знаешь, что нам нельзя заводить отношений со смертными?

– Да что вы заладили оба! Нет у меня никаких отношений.

– Ладно, ладно. Просто на будущее. Хотел предупредить. Она может что-то заподозрить, если ты не будешь меняться годами.

– Тебе Лиз про Мишель сказала?

– Вроде того. Ты лучше присмотришься к Лиз. Девчонка хорошая...

Макс кивнул на прощание, и вышел. Я помыл полы, закрыл пекарню, и поспешил домой – Рэй наверняка с ума сходит.

Пока Рэй исследовал кусты, припорошенные снежком, я погрузился в свою собственную голову. Они оба правы. Мишель мне безразлична. Оставалось только надеяться, что она ничего не испытывает ко мне – и тогда можно не волноваться. Через пару лет я помогу ей найти место перспективней, может быть, открыть своё заведение, а уж я со своими чувствами разберусь. Но что, если она тоже что-то чувствует?

Моё сердце забилось быстрее. Мысль про то, что я могу нравиться Мишель, заставила меня глупо улыбаться. Нет, нет! Нельзя об этом думать. Я встряхнулся. С меня посыпался снег. Рэй повторил моё движение, что со стороны, должно быть, смотрелось комично.

Я повёл Рэя домой, переживая, что он замёрзнет.

С другой стороны, Лиз... Как ни посмотри, она – лучший для меня выбор. Я почти уверен, что нравлюсь ей, она мне тоже... приятна, мы оба не умрём и не постареем, мы можем переезжать с места на место, когда соседи начнут замечать, что мы не меняемся, но что-то меня всё же смущало. Вот только что?

Приближалось Рождество, и Мишель добавила в меню новые вкусности в виде снежинок, ёлочек, и снеговиков. Их хорошо раскупали, однако шоколадные круассаны всё равно оставались самыми любимыми изделиями наших покупателей, и их приходилось печь несколько раз в день.

Лиз заходила ещё пару раз, но поговорить больше не удавалось – она умудрялась появиться в тот момент, когда в нашей пекарне было не протолкнуться. Она ждала своей очереди, брала печенье или булочки, мы обменивались улыбками и быстрыми приветствиями, и она убегала. У меня не было возможности даже смотреть ей вслед – за дверью почти каждый день шёл снег, и Лиз быстро терялась в этом белом полотне.

Мишель цвела. Несмотря на обилие работы, она выглядела счастливее, чем когда-либо, и я не сразу понял почему. Конечно, было очевидно, что она занимается любимым делом, у неё нет начальников – я ею не командую, мы, скорее, партнёры. Но времени на отдых совсем не оставалось из-за подготовки к праздникам, а Мишель продолжала совершенно искренне улыбаться своей солнечной улыбкой.

В один вечер, когда я отпустил последнего покупателя, а Мишель домыла посуду, она вышла из кухни, на ходу вытирая полотенцем руки. Я подсчитывал выручку, чувствуя, что Мишель на меня смотрит. Я перестал сдерживаться, и позволил её мыслям проникнуть сквозь выставленную мной защиту.

«С кем он будет встречать Рождество? Как здорово было бы сделать это вместе... У меня дома... Или у него? Да, отсюда было бы ближе до работы. Почему он никуда не пригласит меня? Ах, да – потому что мы и так всё время рядом. Или он просто не видит во мне девушку... Которая его стоит.»

Я посмотрел на Мишель, и увидел, что она погрузилась.

– Всё в порядке? – спросил я.

Мишель встrepенулась.

– Да, да... Просто задумалась, – она заставила себя улыбнуться, и скрылась на кухне.

– Мишель!

– Да? – крикнула она.

– Ты на Рождество будешь с семьёй? – тише спросил я, входя в кухню.

Мишель повернулась ко мне.

– Они не очень-то хотят меня видеть. Скорее всего, я буду одна.

– Я тоже. Ну, то есть, с Рэем. Как тебе мысль объединиться? У меня дома. Отсюда будет быстрее подняться ко мне, когда разойдутся все покупатели. У меня есть предчувствие, что они будут заходить до самого позднего вечера.

Мишель слегка оживилась.

– Было бы здорово! К тебе, наверное, придут друзья? Лиз?

– Мы не то что бы близкие друзья. Скорее, старые знакомые. В общем, никто больше не придёт. И, если честно, не хочется суеты. Я немного устал.

– Понимаю, – поддержала Мишель. – Тогда устроим маленький тихий праздник. С меня еда! Спасибо, что приглашаешь!

Мишель оделась, обняла меня, и вышла.

Снова я сделал её счастливой. Так легко. Но самым приятным было то, что в этот раз я чувствовал удовлетворение не только от того, что я смог её порадовать, а ещё от того, что я сам стал ждать этого праздника. Ведь я узнал кое-что очень важное: я ей небезразличен.

За пару дней до Рождества снегопад прекратился, солнце стало появляться чаще, и Рэй снова начал просыпаться рано. В это утро мы встали чуть раньше семи, Рэй позволил мне выпить кофе, и сам немного поклевал свой корм. Мы покинули квартиру, и пошли вдоль Зайл-страат, которая вела прямо к площади. Если мы с Рэем вставали рано, и небо не было затянуто тучами, то мы обязательно шли туда наблюдать за рассветом. Примерно тысячу раз встало солнце с момента моего пробуждения, а сколько рассветов я видел до того? Десять тысяч? Сто тысяч?

Тысяча – это совсем немного. Достаточно, чтобы полюбить, мало, чтобы заскучать. Поэтому я снова подумал о том, что вся эта история с потерей памяти стала для меня не проигрышем, а победой.

Рэй тоже любил рассвет. Он усаживался возле меня, слегка поднимал голову, и прищуривал глаза, не отрывая взгляда от неба. Я опускался к нему и смотрел в ту же сторону, изредка поворачиваясь полюбоваться на малыша. Такими нас и застала сегодня Лиз.

– Дилан, Рэй! Как я рада вас видеть!

Она подбежала к нам. Рэй кинулся лизать ей руки.

– Что ты тут делаешь так рано? – любопытствовал я.

– Насколько честный ответ ты хочешь? – ответила Лиз, не поднимаясь с колен, пока Рэй всё ещё вился рядом.

– Да как тебе удобно.

Я пожал плечами.

– Мы можем поговорить у тебя? – спросила Лиз, поднявшись.

Я кивнул, и мы отправились назад. По пути Лиз начала говорить.

– Я уважаю твоё желание не знать всего, но всё же хочу сделать для тебя прошлое немного понятнее. Я забрала кое-что у Макса. То, что принадлежит тебе. Достану дома, хорошо? Чтобы не морозить руки.

Я заметил сумку на длинном ремешке, которую она держала за спиной.

Я ничего не ответил, и Лиз замолчала. Мы дошли в тишине, я помыл лапы Рэю, пригласил гостью на кухню, и приготовил чай. Лиз стала вынимать из сумки листы бумаги, наверное, документы, затем фотографии. Она покашляла.

– В общем, перед спором ты отдал всё это Макс. Всё, что могло напомнить тебе о том, кто ты. А я забрала, когда поняла, что он не планирует тебе возвращать это. Он сказал, вы встречались. И ты не выразил желания вернуть себе память.

Я подтвердил, что всё так и было.

– Но это очень важные вещи! Это документы на квартиру, где ты жил... Ты эту квартиру купил?

– Нет, снимаю. Купил только помещение под пекарню. Так та квартира была моя?

– Да. И Рэй твой. Он с тобой живёт уже лет пять. Ты его брал на передержку, а потом насовсем оставил. Его документы тут где-то тоже есть...

Она порылась в куче бумаг, и достала нужную.

– А это... твои детские фотографии.

– У меня было детство?

Почему-то этого я не ожидал. Лиз подняла брови и улыбнулась.

– Конечно. Никто из нас не родился таким. Сразу взрослым. У тебя была семья.

Я взял в руки фотографии. Их было немного, меньше десятка. Я легко узнал себя на них – такие же глаза, брови. Черты лица немного поменялись, стали более резкими, но всё же схожесть была очевидна. На всех фотографиях, кроме одной, был только я, на последней рядом со мной стояли мужчина и женщина.

– Родители, – кивнула Лиз.

Я отложил фотографии – потом посмотрю.

– Что делает нас такими? Вечноживущими.

– Никто точно не знает. Ну то есть, это должна быть какая-то трагедия. Сильный стресс. Но есть какая-то ещё причина. Ведь трагедии не так уж редки, а вечноживущих по пальцам пересчитать. Есть что-то ещё, что решает.

– И какая трагедия была у меня?

– Я точно не знаю, Дилан. Мы с тобой из разных времён. Ты живёшь дольше, чем я...

– Из какого времени... А, нет, этого я не буду спрашивать. Я не хочу знать, сколько я уже видел рассветов.

– Рассветов? Как красиво ты говоришь о времени. Это мне в тебе всегда нравилось.

Лиз снова улыбнулась. Она пододвинула ко мне всё, что вынула из сумки.

– Это твоё. Изучи, если захочешь.

Она встала, и я тоже.

Я подумал, что она пойдёт к выходу, и двинулся в прихожую, чтобы проводить её. Но она пошла прямо на меня, обхватила ладонями моё лицо и поцеловала губами, нежными, как лепестки роз.

В Сочельник, как я и ожидал, к нам целый день заходили наши постоянные клиенты, и те, кто просто бежал мимо – по своим делам, к родным, или посмотреть на ёлку на площади. Мишель трудилась на кухне, иногда выбегая помочь мне на кассе. Я всё время отвлекался и то и дело подсовывал покупателям не то, что они просили. К счастью, в такой день никто не сердился. Жак, который в честь праздника попросил самых вкусных пирожных, посмотрел на протянутый ему по привычке круассан, и усмехнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.